

ЭМОЦИИ В КОММУНИКАЦИИ

ПРАГМАТИКА ЭМОЦИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Т.В. Ларина

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Цель статьи — рассмотреть некоторые этнокультурные особенности эмоциональной/эмотивной коммуникации, которые часто становятся причиной сбоев и неудач в межкультурном взаимодействии по причине их неадекватной интерпретации инокультурными участниками коммуникации, и показать необходимость формирования эмотивно-прагматической компетенции. Прагматические различия, которые касаются степени эмоциональной открытости/сдержанности, распространяются как на вербальную, так и невербальную коммуникацию, затрагивают сферу социальных правил и норм эмоционального поведения, носят системный характер и предопределяются типом культуры. В качестве иллюстраций приводятся факты из разных языков и культур, однако основной акцент сделан на английской и русской лингвокультурах и выявлении их особенностей. Поскольку речь идет об этнокультурном уровне коммуникации, мы игнорируем безусловное наличие индивидуальных особенностей, то есть допускаем достаточно высокую степень генерализации, что в данном случае считаем оправданным. Материалом послужили теоретические источники, словари, данные эмпирических исследований, полученные методом анкетирования и непосредственного наблюдения и подвергнутые дефиниционному, прагматическому, дискурсивному, сопоставительному и лингвокультурологическому анализу. Результаты исследования показали, что для успешной межкультурной коммуникации необходимо владеть эмотивно-прагматической компетенцией, являющейся структурным компонентом межкультурной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: эмоциональная коммуникация, эмотивная коммуникация, прагматика эмоций, эмотивно-прагматическая компетенция.

1. Вступление

Эмоции являются неотъемлемой составляющей коммуникации и способны как объединять, так и разъединять ее участников. Подобно всем компонентам коммуникации, они могут быть универсальными, культурно специфичными и индивидуальными. Как справедливо отмечает В.И. Шаховский, каждая языковая личность, независимо от ее культурных различий, переживает одни и те же базовые эмоции, и это объединяет людей; эмоции делают людей разных культур более/менее похожими друг на друга и также делают нас уникальными в силу индивидуального варьирования базовых и иных эмоций [Шаховский 2008: 300].

В данной статье мы рассматриваем некоторые аспекты эмоциональной коммуникации на этнокультурном уровне, т.е. исследуем те черты, которые делают представителей одной культуры похожими друг на друга и отличают их от представителей других культур. Именно поэтому эти черты необходимо знать и учитывать как в межкультурной коммуникации, так и переводческой практике. В противном случае они становятся барьером на пути к позитивному восприятию собеседниками друг друга и к их взаимопониманию.

Изучение эмоциональной составляющей межкультурного общения имеет особое значение, так как различия в эмоциональной коммуникации могут привести к серьезным коммуникативным неудачам и сбоям, причины которых весьма разнообразны. Это может быть разная эмоциональная реакция на одни и те же события, разная степень эмоциональной открытости/сдержанности, контролируемости/неконтролируемости эмоций, разная степень эмоциональной экспрессии, расхождение в семантике эмотивных номинаций в разных языках, лакунарность в номинации эмоций, не дающая возможности найти в иностранном языке нужное слово и т.д.

Как показывают исследования лингвистов и наши наблюдения, серьезной причиной непонимания в межкультурном контексте являются различия в прагматике эмоциональных актов, игнорирование которых часто приводит к неадекватной интерпретации поведения инокультурного собеседника, его действий и эмоционального состояния. Сопоставительный анализ эмоциональной коммуникации в различных культурах дает многочисленные свидетельства того, что один и тот же (или похожий) эмоциональный/эмотивный акт (как вербальный, так и невербальный) может иметь различную прагматическую направленность и выполнять разные функции. Прагматические различия касаются степени эмоциональной открытости/сдержанности, распространяются на вербальную и невербальную коммуникацию, затрагивают сферу социальных правил и норм эмоционального поведения.

В этой статье мы обобщаем известные факты «участия» эмоций в процессе межкультурного общения с целью показать их системный характер и дополняем их новыми наблюдениями, которые демонстрируют, что в качестве составной части эмоциональной компетенции следует выделять *эмотивно-прагматическую компетенцию*.

2. Эмоциональная сдержанность / эмоциональная открытость в коммуникации и языке

Важным культурным различием в сфере эмоциональной коммуникации является степень эмоциональной сдержанности/открытости представителей различных культур и контролируемости/неконтролируемости, а также эксплицитности/имплицитности выражения ими эмоций. У каждого народа существуют свои культурно обусловленные правила проявления эмоций. Выделяются культуры, где ценятся сдержанность и самоконтроль (англичане, финны, эстонцы, в еще большей степени — китайцы и японцы), и культуры, в которых приветствуется свободное проявление эмоций (латиноамериканцы, жители средиземноморских и ближневосточных стран).

Так, например, представители арабских культур в процессе общения часто возбуждаются, кричат, используют различные жесты, насыщают свою речь заклинаниями, клятвами, очень любят прибегать к преувеличениям; к тому, что сказано ровным, спокойным тоном, они относятся с удивлением и недоверием [Шагаль 2001: 253—254]. Для них важнее не то, ЧТО сказано, а КАК это сказано. Однако существует важное гендерное различие: выраженное эмоциональное поведение в большей степени характерно для мужчин, арабской женщине предписывается быть более сдержанной.

Противоположным примером могут служить китайская и японская культуры, где, напротив, важную роль играет умение сдерживать эмоции, не допускать крайностей, чтобы тем самым не нарушать гармонию [Тань Аошуан 2004, Алпатов 2008]. Это касается как негативных эмоций, так и позитивных. Представители этих культур выражают эмоции крайне сдержанно, как правило, имплицитно и даже без слов. Они исходят из того, что чувства принадлежат только человеку, который их испытывает. О чувствах, в том числе о любви, они не говорят, считая, что воплощенные в слова, чувства испаряются, и предпочитают выражать любовь заботой и вниманием. Вот как говорит об этом китайская исследовательница Zhengdao Ye, описывая сцену прощания с родителями, которые, как она отмечает, ни разу в жизни не сказали ей, что любят ее, как и она им: расставаясь перед дальней дорогой, ничего не говоря друг другу, они всеми силами пытались сдержать слезы и широко улыбались, стараясь смягчить тревогу:

We do not place so much emphasis on verbal expressions of love and affection, because they can evaporate quickly. For a Chinese, love and affection are embodied in care and concern, in doing what we believe are good things for the other party. My parents have never said 'I love you' to me; neither have I to them. Even the first time when I left them for a long time, flying ten thousand miles to another part of the world, at the airport, we fought back our tears and urged each other repeatedly to take care; we wore the biggest smiles to wave good-bye to each other, to soothe each other's worries [Zhengdao Ye 2007: 59—61].

В английской культуре эмоциональная сдержанность и самоконтроль так же являются важнейшими характеристиками поведения, неотъемлемыми составляющими понятия *Englishness* («английскость»). Открытое проявление эмоций, особенно негативных, здесь не приветствуется, оно считается свидетельством недостаточной зрелости и невоспитанности человека и ставит окружающих в неловкое положение.

Как пишет по этому поводу К. Фокс [Fox 2005: 376—377], англичане даже на похоронах близких обычно не плачут, для них слезы не мерило горя. Обилие слез расценивается как разнузданность и даже как эгоизм и несправедливость. Считается, что скорбящие родственники усопшего, которые на похоронах не плачут или плачут очень мало, выказывают уважение и предупредительность к окружающим, стараются их подбодрить, а не ждут внимания к себе. Нормы социального поведения требуют от англичан в данной ситуации подавлять в себе чувства, которые они испытывают, и выражать те, которых они не испытывают (*We are*

required to switch off our humour reflex, express emotions we do not feel, and suppress those we do feel) [Fox 2005: 377].

Так же ведут себя и американцы. Если на похоронах близких им удается не пасть духом и не показать свою печаль, они ставят это себе в заслугу — “*for having shown such control and restraint*” [Виссон 2003: 181]. Вряд ли такое поведение будет понято и положительно оценено представителями так называемых эмоциональных культур.

Английская культура (более широко — англосаксонская) предписывает исходить из того, что какие бы сильные эмоции ни кипели в душе, внешне этого никто не должен видеть, человек должен не терять самоконтроль, *to keep a stiff upper lip*, т.е. в любой трудной и неприятной ситуации сохранять спокойствие и не показывать другим своих истинных чувств. На эту особенность английского коммуникативного поведения обращали внимание многие исследователи (см. [Тер-Минасова 2000; Карасик 2002; Ларина 2009, 2013; Джиоева, Соседова 2014, Fox 2005 и др.]).

Тот факт, что в процессе общения представители англосаксонской культуры демонстрируют хорошее настроение и оптимизм, не является случайным. Как известно, *be optimistic* (будьте оптимистом) — одна из важнейших стратегий английской вежливости, названных П. Браун и С. Левинсоном в их хрестоматийной монографии [Brown, Levinson 1987]. Английская вежливость предписывает демонстрировать хорошее настроение, оптимизм, бодрость духа независимо от внутреннего состояния человека, т.е. *keep smiling* в любой ситуации, что соотносится с такой англосаксонской коммуникативной ценностью, как позитивность [Ларина, Озюменко, Ишанкулова 2011].

Важно отметить, что эмоциональная сдержанность англичан касается не только отрицательных, но и положительных эмоций и распространяется на все сферы общения, включая и такую интимную, как отношения родителей и детей, на которую, казалось бы, правила, ограничивающие проявление эмоций, не должны распространяться.

Данная особенность английской коммуникативной культуры закрепляется в языке. Интересно отметить, что само слово *emotional* (эмоциональный) имеет негативную коннотацию и указывает на то, что проявлять неконтролируемые эмоции является отклонением от норм поведения, за что следует принести извинение. По мнению А. Вежбицкой, слов, аналогичных по семантике английскому слову *emotional*, нет ни в немецком, ни во французском, ни в итальянском, ни в русском языках:

There is a certain unconscious “ideology” written into English word *emotional* — an “ideology” which assumes that showing feelings over which one has no control is a departure from “normal” behaviour. The word has pejorative overtones, and even when it is used in a “tolerant” tone it still implies that there is something there “in the emotional outburst”, which needs to be excused (the loss of “control” over one’s feelings and over their display). There are no words analogous to *emotional* in German, French, Italian, or Russian [Wierzbicka 1999: 19].

В русской культуре, напротив, проявление эмоций является одной из культурных ценностей. В работах по культурной семантике приводятся многочислен-

ные языковые факты, свидетельствующие об эмоциональной сдержанности англичан и неконтролируемости проявления эмоций русскими (см. [Вежбицкая 1999, 2001; Шмелев 2002, Гладкова 2010; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012 и др.]).

Так, в английском языке, например, нет эквивалента русскому слову *хохотать*, которое означает *смеяться самозабвенно, не сдерживаясь, в свое удовольствие*; при этом существуют слова, обозначающие другие разновидности смеха: *chuckle* (смешок), *giggle* (хихиканье), *cackle* (хохоток, хихиканье), которые подразумевают нечто меньшее, чем *смех от всего сердца*.

Русское слово *слезы* используется для указания на внешнее выражение эмоций значительно шире, чем его английское *tears*, и имеет более широкую сочетаемость: *лить слезы, проливать слезы, заливаться слезами, обливаться слезами*. Ярко иллюстрируют бесконтрольное проявление эмоций русские словосочетания со словом *сердце*, большинство из которых не имеют своих аналогов в английском языке: *сердце замирает, сердце сжалось, сердце упало, сердце оборвалось, сердце ушло в пятки, сердце колотится, сердце бьется, сердце ноет/щемит/рвется (разрывается) на части* и др. (подробно см. [Вежбицкая 1999: 503—546]).

Однако было бы не совсем верно говорить об одном народе как об эмоциональном, а о другом — как о холодном и сдержанном, поскольку связь между проявлением эмоций и чувствами, испытываемыми при этом, не всегда прямая и однозначная. Как видно из уже приведенных примеров, одни и те же эмоциональные акты в разных культурах могут иметь различные прагматические значения. Остановимся на этом вопросе более подробно.

3. Прагматика невербальных эмоциональных актов

Невербальные знаки эмоциональной коммуникации (взгляд, слезы, жест, поза, улыбка), как и паравербальные (интонация, громкость, тембр голоса, паузы, молчание), также обладают этнокультурной спецификой и не всегда выражают одинаковые эмоции. Как уже было сказано выше, слезы на похоронах не везде являются мерилем горя, а их отсутствие не обязательно говорит о безразличии и бесчувственности. Прямой взгляд в глаза собеседнику независимо от его возраста в западных культурах означает внимание, в восточных он может означать вызов и дерзость (при общении младших со старшими или женщины с мужчиной).

И даже такой, кажущийся универсальным, эмоциональный знак, как улыбка, о которой уже много было сказано [Тер-Минасова 2000; Прохоров, Стернин 2007; Токарева 2007; Ларина 2009, 2013 и др.], в разных культурах имеет свои особенности. Они касаются конвенциональности, направленности, функций и выражаемых чувств и эмоций, которыми могут быть как радость, наслаждение, восхищение, удовольствие, так и растерянность, смущение, разочарование, огорчение и др. Понять прагматические интенции улыбающегося собеседника в межкультурном контексте не всегда просто.

Исследователи выделяют три типа улыбок — искреннюю, коммерческую и формальную (под последней понимается вид приветствия незнакомым людям, «попытка обеспечить безопасность в незнакомом месте с незнакомыми людьми») [Тер-Минасова 2000: 193].

Формальная улыбка, как нам представляется, является щитом от внешнего мира. Она выполняет две основные функции — защищает человека (позволяет снять агрессию или демонстрирует отсутствие агрессивных намерений при общении с чужими) и закрывает его (позволяет скрыть истинные чувства — смущение, обиду, огорчение и др.), в том числе и при общении со своими. В обоих случаях форма проявления эмоций не соответствует тому, что человек при этом испытывает.

Все три типа улыбок встречаются в каждой культуре, разница заключается в их частотности и конвенциональности. Так, например, для славянского мира, в том числе и для русских, в большей степени характерна искренняя улыбка, для западного — формальная. Улыбка как средство скрытия истинных чувств в наибольшей степени характерна для восточных культур (Китай, Япония, Таиланд и др.).

Общепризнанно, что среди западных культур чаще всего улыбаются американцы, для которых улыбка — это неотъемлемый атрибут коммуникации, знак успешности и благополучия. Она несет социальную информацию, выполняет социальную функцию и является обязательным коммуникативным сигналом. Данная особенность коммуникативного поведения находит отражение во фразеологии — *A smile opens many doors* (Улыбка открывает многие двери), *You are not fully dressed until you wear a smile* (Ты полностью не одет, пока на тебе нет улыбки).

Однако есть страны, где улыбаются еще больше, чем в Америке, как например в Таиланде, где, по словам тайской студентки, «улыбаются всегда, даже когда плачут». Так же ведут себя и китайцы, которые могут улыбаться, рассказывая о драматичных и даже трагических событиях, например, о смерти своих близких, «когда сердце обливается кровью».

Подобная улыбка может шокировать, если не понимать ее прагматического значения: в этом случае она является не выражением позитивных чувств, а способом скрыть негативные, чтобы снизить отрицательное воздействие печального события на собеседника: *I smile to smooth over embarrassing situations. I wear big smiles even when my heart is crying and bleeding* [Zhengdao Ye 2007: 59—61].

Часто за улыбкой китайцев, воспринимаемой европейцами как проявление согласия и удовлетворения, кроются смущение, растерянность или обида, что подтверждают и китайские пословицы: *На лице улыбка, а в сердце кинжал. На сердце обида, а на лице улыбка.*

О том, что в японской культуре улыбка так же социальна и выполняет в процессе коммуникации различные функции, свидетельствует наличие множества названий различных типов улыбки в японском языке: *надменная, неопределенная, профессиональная, социальная; улыбка, изображаемая для соблюдения благопристойности; довольная улыбка человека в возрасте* и др. [Проников, Ладанов 1985].

В России улыбка — это чаще всего выражение естественного, искреннего расположения, симпатии, хорошего отношения к окружающим, реакция на позитивные обстоятельства, т.е. она передает эмоциональную информацию. Чрезмерная улыбчивость в русской культуре традиционно воспринимается отрицательно, во многих ситуациях считается неуместной, оценивается как неискренность (*фаль-*

шивая улыбка, дежурная улыбка), навязчивость, насмешка или даже как свидетельство умственной неполноценности.

Игнорирование данных различий приводит к серьезному непониманию при межкультурном общении и к неверным оценкам. Для иллюстрации — два случая из реальной коммуникации.

Русская женщина, вернувшись из поездки в Лондон, рассказывала, что ей там понравилось абсолютно все, кроме постоянно улыбающихся англичан. По ее словам, они ее так раздражали, что она даже стала отворачиваться.

В Москве две английские девушки-студентки рассказывали о своих проблемах в восприятии русских прямо противоположное. На вопрос, что в поведении русских их особенно удивило, они ответили: «*To, что русские никогда не улыбаются. Из-за этого мы даже не могли пользоваться общественным транспортом*». Причину своих опасений они объяснили так: *'If people do not smile, it means they think something bad about us'* (Если люди не улыбаются, значит, они думают о нас что-то плохое).

Данные примеры в очередной раз показывают, что знаки эмоциональной коммуникации имеют свою культурную специфику, они могут выполнять социальную функцию, демонстрируемые эмоции и испытываемые при этом чувства не всегда совпадают. В результате позитивный эмоциональный акт, как и его отсутствие, может вызвать негативную реакцию, если не понимать его прагматической направленности.

4. Прагматика вербального эмоционального поведения

В вербальной коммуникации проблемы прагматического характера еще более регулярны. Нами уже отмечался тот, на первый взгляд, парадоксальный факт, что англичане, которые ценят эмоциональную сдержанность, в вербальной коммуникации демонстрируют высокий уровень эмоциональной экспрессивности [Ларина 2003, 2009, 2014 и др.]. В различных коммуникативных ситуациях они дают завышенную оценку как собеседнику, так и всему происходящему и наблюдаемому, используя для этого большое количество разнообразных эмоционально нагруженных лексем: *great, excellent, perfect, gorgeous, wonderful, brilliant, superb, fantastic, fabulous, marvelous, divine, ravishing, terrific, delighted, enjoyable* и др., причем часто по самому незначительному поводу: *How absolutely marvelous!* (Как абсолютно чудесно!)¹ (в саду у друга); *That's fabulous. You must be thrilled* (Сказочно. Ты должна быть в восторге) (реакция на хорошую новость); *You're being extremely kind* (Ты чрезвычайно добра) (благодарность за незначительную помощь); *You are absolutely fantastic. Your speech was brilliant. I really enjoyed that* (Ты абсолютно фантастична. Твоя речь была блестящей. Я наслаждалась ею) (оценка выступления коллеги).

¹ Здесь и в дальнейшем преднамеренно дается буквальный перевод (в этом случае он не выделяется курсивом), с тем чтобы провести контрастивный анализ английских и русских высказываний и наиболее наглядно продемонстрировать различия в коммуникативном поведении англичан и русских.

В результате регулярного использования подобных суперлативных лексем гиперболизированная оценочность стала одной из черт английского стиля коммуникации. Однако следует иметь в виду, что передаваемый ими смысл, далеко не всегда соответствует их лексическому значению и их не следует понимать буквально, поскольку эмоциональное состояние говорящего, как и высокая оценка действий, качеств адресата может и не отражать подлинных чувств и отношений и иметь иную прагматическую направленность. Исследователи отмечают, что такие прилагательные, как *terrific*, *great*, *grand*, *fantastic*, имеют в основном эмотивное значение и представляют собой эмфатические эквиваленты прилагательных *good*, *nice* — *The weather was terrific. It was great snow* [Leech & Svartvik 1994: 154], *to feel happy* так же может выражать не эмоциональное состояние, а отношение [Riabtseva 2001: 22]. Как в естественной коммуникации, так и в художественных текстах находим многочисленные подтверждения этой мысли: '*Don't hesitate to get back in touch if you need me. I'll always be **happy** to see you.*' (J. Asher) (врач — выписывающейся из больницы пациентке); *Please keep this receipt and we'll be **happy** to give you an exchange or refund if you change your mind* (на кассовом чеке магазина); *Would you like some more tea (coffee)? — Thank you. I'm **happy*** (в гостях) (т.е. *Спасибо. Достаточно*). По контексту совершенно очевидно, что в данных высказываниях *happy* не означает *счастливый*. Прагматика этих высказываний совсем иная. В первом (в ситуации врач — пациентка) — это готовность помочь, во втором — информация о возможности поменять купленную вещь или вернуть деньги при наличии кассового чека, в третьем — вежливый отказ от угощения.

Таким образом, приведенные выше эмоционально-оценочные реплики нацелены не столько на передачу информации об эмоциональном состоянии говорящего, сколько на передачу позитивного отношения к собеседнику, на оказание ему коммуникативной поддержки, они являются своеобразными коммуникативными подарками, которыми собеседники щедро обмениваются в разных коммуникативных ситуациях.

Для русской коммуникативной культуры, в которой ценятся искренность и естественность, подобные преувеличения свойственны в меньшей степени. Ср.: *You're absolutely fantastic— Ты молодец; Thanks for your present. I love it. — Спасибо за подарок. Он мне очень понравился; We are delighted to inform you... Мы рады сообщить вам...* и т.д.

Важно понимать данные прагматические особенности, иначе коммуникативные неудачи неизбежны. Пример из реальной коммуникации.

Русская девушка, работавшая в английской компании, испытывала сильный дискомфорт и смущение, когда каждое утро начальник спрашивал ее — *Are you happy?* Понимая эту фразу буквально, она считала ее вмешательством в свою личную жизнь: «По утрам мне даже просыпаться не хотелось от мысли о том, что, когда я приду на работу, он опять спросит, счастлива ли я».

При такой интерпретации фразы смущение девушки вполне понятно. Однако на самом деле слова начальника были обычным приветствием и означали всего лишь «У тебя все в порядке?».

5. Эмоциональность и эмотивность в коммуникации

Обобщив вышеотмеченные особенности невербальной и вербальной коммуникации англичан и русских, мы видим, что «сдержанные англичане» не только улыбаются чаще, чем русские, но и на уровне вербальной коммуникации часто ведут себя более эмоционально и экспрессивно. В то же время «эмоциональные русские», которым свойственно открытое, неконтролируемое проявление эмоций, в фатической коммуникации, напротив, более сдержанны: реже улыбаются, не любят преувеличений, не дают завышенных оценок, не доверяют комплиментам. Данная коммуникативная особенность является причиной стереотипов, согласно которым англичане воспринимаются русскими как неискренние и лицемерные, русские же в глазах англичан выглядят хмурыми, недружелюбными и мрачными.

Чтобы понять данные противоречия, как и вообще прагматику эмоций в разных культурах, важно различать такие понятия, как *эмоциональность* и *эмотивность*, *эмоциональная коммуникация* и *эмотивная коммуникация*, о чем уже неоднократно говорилось [Ларина 2003, 2006, 2009 и др.]. Напомню, что понимается под этими терминами.

Эмоциональность — психобиологическое явление, связанное с потребностью людей приспособиваться к внутренним психическим раздражителям, основной функцией которого является снятие эмоционального напряжения и поддержание психического равновесия. В этом случае эмоции носят естественный, спонтанный характер, являются открытым проявлением чувств.

Эмотивность — демонстрация эмоций, которая носит преднамеренный характер и представляет собой определенную стратегию коммуникативного поведения. В этом случае эмоции используются с целью прогнозирования и определения ситуации, а также воздействия на других.

Эмоциональность и эмотивность имеют разную направленность: первая сфокусирована в большей степени на субъекте (это *эмоции для себя*), вторая направлена на объект (это *эмоции для других*).

Возвращаясь к примеру с улыбкой, можно уточнить, что английская улыбка чаще является эмотивной, в то время как русская — эмоциональной. Примером эмотивной коммуникации на вербальном уровне являются высказывания с эмоционально-оценочной лексикой (*That's fabulous / I'm delighted / You're absolutely fantastic*), которые передают не чувства и оценки говорящего, а его позитивное отношение к собеседнику. Их можно назвать *фатическими эмотивами*. В отличие от *эмотивов* в широком плане, которые, по определению исследователей, являются показателями того, что данная единица языка и речи называет не столько предмет, сколько эмоциональное отношение к нему [Шаховский, Сорокин, Томашева 1998. — С. 51], *фатические эмотивы* — единицы фатической коммуникации, которые передают эмоциональное отношение и имеют ярко выраженную стратегическую направленность: они ориентированы на собеседника и нацелены на оказание ему коммуникативной поддержки [Ларина 2009: 121]. Именно поэтому их семантика часто расходится с прагматикой, что и вызывает серьезные сложности в межкультурном общении.

Здесь можно провести параллель и сказать, что английская улыбка, которой англичане и американцы щедро одаривают друг друга, проявляется и на вербальном уровне в виде многочисленных оценочных, комплиментарных высказываний, что подтверждает наличие связи между вербальной и невербальной коммуникацией.

Различия в проявлении/демонстрации эмоций позволяют выделить два типа коммуникации — эмоциональную и эмотивную. *Эмоциональная коммуникация* — это спонтанное, естественное, незапланированное проявление эмоций, обязательно учитывающее реакцию собеседника или окружающих. *Эмотивная коммуникация* — это сознательная, контролируемая демонстрация эмоций, которая ориентирована на собеседника и используется говорящим в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта, т.е. она выполняет социальную функцию.

Результаты исследований [Ларина 2003, 2009; Солдатова 2009] показали, что эмотивность в целом играет большую роль в английской коммуникации, чем в русской. Традиционная английская сдержанность касается эмоциональной коммуникации, но не эмотивной. Коммуникативная эмотивность, напротив, является одной из доминантных черт английского коммуникативного поведения. Сдерживая свои эмоции, англичане в то же время постоянно посылают собеседнику коммуникативные подарки в виде улыбки, гиперболизированной оценки и т.д. Вышеприведенные слова К. Фокс можно экстраполировать на всю фатическую коммуникацию англичан и сказать, что, подавляя в себе чувства, которые они испытывают, они выражают те чувства, которых не испытывают.

Подобное поведение можно объяснить такой коммуникативной ценностью англосаксонских культур, как позитивность — оптимистичный, позитивный, взгляд на мир и на окружающих, а также связанной с ней позитивной вежливостью, которая предписывает оказывать подчеркнутое внимание собеседнику, преувеличивать интерес и симпатию к нему и быть оптимистом (см. [Brown and Levinson 1987]).

Регулярное использование стратегий позитивной вежливости формирует такие черты английского стиля коммуникации, как уже упомянутая нами *гиперболизированная оценочность*, а также *комплиментарность*, *эмотивность*, *коммуникативный оптимизм*, которые в совокупности формируют одну из его коммуникативных доминант, называемой нами *демонстративной приветливостью*, или *коммуникативной аттрактивностью* [Ларина 2009: 421].

Для русской коммуникативной традиции, в которой стратегии позитивной вежливости менее типичны, напротив, в большей степени характерна эмоциональность, русские более открыто проявляют испытываемые ими чувства и эмоции, но отрицательно относятся к демонстративной приветливости, часто расцениваемой ими как неискренность. Доминантными чертами русского стиля коммуникации, выделяемого при сопоставлении с английским, являются *прямолинейность*, *эмоциональность*, *искренность*, или *коммуникативная естественность*, под которой понимается ориентированность на содержание, а не на форму, меньшая ри-

туализированность коммуникативных действий и меньшая стандартность речевых формул [Там же].

Особенностью английской коммуникативной культуры в целом является то, что собеседники в большей степени фокусируют свое внимание на чувствах других, им предписывается быть внимательными (*careful, considerate, thoughtful*) к окружающим и их чувствам. Русские, напротив, более свободно выражают свои чувства и эмоции, не всегда принимая во внимание их воздействие на окружающих.

Данные прагматические установки коррелируют со скриптами А. Вежбицкой относительно выражения эмоций в двух культурах: в русской культуре — хорошо, когда другие люди знают, что ты чувствуешь (*'it is good if other people know what a person feels'*) [Wierzbicka 1999: 237]; в английской культуре — хорошо, когда ты стараешься вызвать хорошие чувства у другого (*'one should try to make the other person feel something good'*) [Wierzbicka 1999: 254].

Как видим, эмоциональные/эмотивные акты в английской и русской культурах различаются по направленности, выполняемым функциям и прагматическому значению. Напомним, что речь здесь идет об обобщенных этнокультурных чертах, не учитывающих индивидуальных особенностей.

6. Нормативный аспект выражения эмоций, или прагматика сквернословия

Имеют свою этнокультурную специфику и нормы выражения эмоций. Они касаются как невербальной, так и вербальной коммуникации и непосредственно связаны с рассмотренной выше контролируемостью/неконтролируемостью выражения эмоций, степень которой, как было показано, культурно вариативна. В культурах, где допускается свободное проявление эмоций, отсутствуют строгие нормы их проявления, и наоборот, в культурах, приветствующих контролируемость эмоций, существуют строгие правила, ограничивающие их выражение. Это общее правило, однако и здесь не все так однозначно.

Поскольку о некоторых аспектах нормативности в невербальной коммуникации речь уже шла выше, в данном разделе мы обратимся к вопросу о нормативности выражения эмоций в вербальной коммуникации, а именно — о допустимости использования табуированной лексики в целях выражения эмоций. Отметим сразу, что речь здесь будет идти исключительно: а) о носителях литературного языка, б) о вежливом общении и в) о выражении позитивных эмоций, отношений и оценок.

Сквернословие, как известно, имеет свою этнокультурную специфику (см. [Жельвис 2001]), толерантность к нему так же культурно вариативна.

Если сопоставить русский язык с английским, то легко заметить, что сфера употребления ненормативной лексики, где она воспринимается как допустимая, в англоязычной коммуникации значительно шире, чем в русской. Отсюда — многочисленные проблемы, связанные с адекватностью ее интерпретации как в процессе коммуникации, так и в переводе. Традиционно обценная лексика используется как эмоционально-экспрессивная реакция на неожиданные и неприятные

события, слова, действия и т. п., т.е. для выражения негативных эмоций. Однако в последнее время, как отмечают исследователи (см. [Джонсон 2004, Беликов 2005, Козырева 2013, Kasper 1990, Leech 1983, Fox 2005, Kaul de Marlangeon & Alba-Juez 2012, Alba-Juez 2014 и др.]), наблюдается ее использование в дружеском общении, при выражении не только отрицательных, но и положительных эмоций, отношений и оценок, что особенно характерно для англоязычных культур.

Относительно свободное употребление ненормативной лексики характерно для всего англоязычного мира. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что англичане, ирландцы, австралийцы, американцы довольно свободно используют бранные слова (*hell, bloody hell, bastard, shit*, и даже *fuck* и его производные — *fucker, fucking, fuck off, fuck about, fuck over, fuck-up* и др.), в дружеском общении равных собеседников, часто независимо от уровня их образования, социального положения, возраста или пола, и они не являются более столь шокирующими, как это было еще относительно недавно. Эти слова используют интеллигентные люди, они звучат с экранов телевизоров, встречаются в художественной литературе. Это так называемый «дружеский мат», который при соблюдении соответствующих условий места и времени не является нарушением языковой нормы [Жельвис 2003: 90], точнее — узуальной нормы.

Новое в сквернословии состоит в том, что табуированные лексемы, используемые традиционно в инвективной функции в целях негативного воздействия на собеседника, расширяют сферу своего употребления. Утрачивая инвективную семантику, они становятся все более нейтральными и часто используются в дружеском дискурсе, в том числе в семейном, например, в общении родителей и детей:

*You look **shit**, my friend. You should have a rest* (молодая женщина — подруге с заботой);

*Nice suit. You look **fucking beautiful*** (комплимент коллеге);

*You don't know the **fucking** half of it, do you, Dad?* (дочь — отцу) (P. Stenham);

*Don't be under any illusions, sweetie, your daddy doesn't **give a fuck** about you* (мать — дочери) (P. Stenham).

Расширяется как сфера их употребления, так и функции. Помимо традиционной инвективной, они часто выполняют эмоционально-экспрессивную функцию при выражении позитивных эмоций, выступая интенсификаторами экспрессивности различных частей речи:

*'I don't mind telling you, I've missed you like **bloody hell**, my love.'* — *'Oh, Shane darling. Yes... I know what you mean'* (из разговора мужа и жены) (B. Bradford); *'You must please yourself, dear'. — 'I shall! I **bloody** shall'* (D. Porter); *A leery smile spreads across his face. 'Brilliant,' he said... 'Absolutely **fucking brilliant**... You, my darling, are an **absolute fucking genius**'* (H. Fielding) (режиссер ТВ студии, оценивая работу новой сотрудницы).

Нами уже неоднократно отмечалось, что в неформальном общении равных собеседников обценная лексика используется также в качестве форм обращений [Ларина 2003, 2009; Смит, Ларина 2003; Ларина, Озюменко, Горностаева 2012]. Среди образованной интеллигентной молодежи и людей среднего возраста широко

распространенными в последнее время являются такие приветствия, как: *Oh, you bastard you / How are things going, you sonuvabitch*, также в качестве обращений можно услышать *bollocks, shiester, shithhead, mother-fucker* и другие бранные слова, которые используются в дружеском, позитивном общении.

Следует обратить внимание, что передаваемое ими эмоциональное отношение часто зависит от сочетающегося с ними прилагательного: если *dirty* усиливает отрицательную оценку (*dirty bastard*), то *little, poor, silly, stupid* придают дружеское и даже ласкательное звучание (*little bastard, little bollocks*):

'You're right, little bastard' (девушка — парню с нежностью) (букв.: Ты прав, маленький ублюдок).

'Come here, you little bollocks' (мать — своему трехлетнему сыну с любовью) (букв. Иди сюда, маленькое яйцо).

'Oh, the little bitches' (девушка — подругам после розыгрыша) (букв.: О, маленькие суки).

Примеры подобных обращений можно встретить и в художественной литературе:

(из дружеского разговора двух подруг — образованных женщин тридцати лет):

'The phone's blipping. There's someone else trying to get through. I'll call you back.'

'OK. But remember, you, silly bitch, it's great news, yeah?' (J. Asher)

(неожиданная встреча двух друзей-бизнесменов):

'What the bloody hell are you doing in Washington, Harry?' muttered Chipchase through a cheesy grin. *'I told you. Business. Business my left buttock'* (R. Goddard).

Как видим, данные формулы обращения употреблены в дружеских контекстах, что говорит об отсутствии в них инвективной функции, то есть намерения оскорбить собеседника, нанести урон его лицу, совершить в отношении него какие-либо «невежливые действия». Напротив, лексика с отрицательной эмоционально-оценочной семантикой (*bastard* — ублюдок, *bitch* — сука, *bollocks* — яйцо, *buttock* — ягодица, *sonuvabitch* — сукин сын и др.) используется для выражения позитивных эмоций и отношений и употребляется в «вежливых целях» как своеобразное средство сближения, знак неформальности отношений. Грубоватая фамильярность создает эффект «принадлежности к своим». Прибегая к ней, собеседники минимизируют дистанцию, демонстрируют близость и полное равенство (см. [Ларина 2003, 2009]).

Наши наблюдения подтверждают мнение англоязычных исследователей о том, что в современном английском языке табуированная лексика может выступать не в виде маркеров грубости, а в виде маркеров интимности, вовлеченности, присоединенности ('involvement', 'intimacy', 'affiliation'): *'Involvement includes the use of vocatives, slang, anti-language and taboo words (bloody / shitty / fucking)'* [Eggs & Slade 1997], другими словами, использоваться в позитивных целях. Такие слова являются знаком внутригрупповой принадлежности и средством устранения межличностных границ.

Дж. Лич называет это явление шуточной невежливостью (*mock impoliteness*) [Leech 1983: 144] и отмечает, что это — возможность сказать: «Нам не надо быть вежливыми, я могу оскорбить тебя и ты поймешь, что это шутка, и это доказывает, какие мы хорошие друзья» (...it is a way of saying *'We do not need to be polite to*

one another: I can insult you, and you will think it a joke. This proves what good friends we are.’) [Leech, Larina 2014: 20]. Г. Каспер [Casper 1990], определяя данную дискурсивную особенность, называет ее иронической грубостью (*ironic rudeness*), Л. Альба-Хуес — позитивной иронией [Alba-Juez 2014: 145].

Таким образом, лексемы, имеющие в своей семантике отрицательные коннотации, на уровне прагматики могут употребляться для выражения позитивных отношений и эмоций, в результате формально невежливые действия могут совершаться в вежливых целях (см. об этом так же [Casper 1990, Kaul de Marlangeon and Alba-Juez 2012, Alba-Juez 2014 и др.]).

Как видим, несмотря на наличие в словарях помет о том, что данные лексемы являются табуированными и крайне оскорбительными (*taboo, slang, impolite, offensive*), в реальной речевой практике они часто выступают в дружеском дискурсе, где могут выражать не только отрицательные, но и положительные эмоции, отношения и оценки.

Этот факт подтверждает мнение Л.П. Крысина о том, что «в речевой практике вполне обычны большие или меньшие отклонения как от традиционной нормы, так и от тех нормативных предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях» [Крысин 2011: 4]. Данная особенность англоязычного дискурса связана с социальными изменениями в обществе (демократизацией, феминизацией) и отражает такую коммуникативную ценность, как равенство.

Хотя в современной русской культуре ненормативная лексика так же все чаще встречается в различных сферах общения, в том числе и в речи образованных людей (в актерской, писательской, журналистской среде), тем не менее, у русских, по нашим наблюдениям и результатам исследований, все же существует больше ограничений на употребление подобной лексики, и она значительно реже используется для выражения позитивных эмоций (см. [Козырева 2013]).

Данные различия создают серьезные проблемы в межкультурной коммуникации. Непонимание прагматики английского сквернословия может сыграть деструктивную роль и стать причиной конфликта. Они также вызывают большие трудности при переводе. Задача переводчика — найти эмотивно-прагматический эквивалент, который передал бы эмоциональное звучание реплики допустимыми для русского контекста средствами.

Следует подчеркнуть, что расширение употребления ненормативной лексики характерно для последних двух-трех десятилетий. Этот факт является свидетельством того, что нормы выражения эмоций варьируют не только в зависимости от культурного контекста, но и от временного.

7. Эмоции и тип культуры

Различия в эмоциональной коммуникации не случайны, они предопределяются типом культуры и, прежде всего, таким ее параметром, как дистанция. Взаимосвязь между дистанцией и эмоциями можно сформулировать следующим образом: чем меньше дистанция между собеседниками, тем более свободны они в выражении эмоций; чем больше дистанция — тем больше существует ограни-

чений в эмоциональном (и не только) поведении людей. При этом можно предположить, что ограничения на проявление эмоций накладывает как значительная горизонтальная дистанция (англоязычные страны), так и вертикальная (Китай, Япония и др.).

Помимо дистанции здесь также уместно вспомнить и другой параметр измерения культур — допустимость/недопустимость неопределенности (*uncertainty avoidance*) [Hofstede 1991]. Свободное проявление эмоций является одной из характеристик культур, не любящих неопределенность и избегающих ее (*strong uncertainty avoidance cultures*); эмоциональная сдержанность характерна для культур, терпимых к неопределенности (*weak uncertainty avoidance cultures*) [Hofstede 1991: 125].

Как уже отмечалось, эмоциональная реакция собеседника несет информацию о его состоянии, отношении к речевой ситуации, что во многих случаях является сигналом, подтверждающим правильность понимания полученной информации, что снижает неопределенность. При большей дистанции общения и, соответственно, его меньшей интенсивности, участники коммуникации не делятся своими эмоциями, в то же время они сталкиваются с большей потребностью в демонстрации позитивного отношения друг к другу. Что они при этом чувствуют, не столь важно. Большую роль здесь играет не эмоциональная, а эмотивная коммуникация.

Таким образом, эмоциональная коммуникация в большей степени характерна для контактных культур, не любящих неопределенность; эмотивная коммуникация — для дистантных культур с высокой степенью толерантности к неопределенности. Знание этих особенностей позволяет нейтрализовать нарушения или даже провалы в межкультурном общении. Отметим, что это самые общие выводы. Для их конкретизации необходимы специальные исследования, учитывающие и другие социокультурные аспекты — религиозные, гендерные, возрастные и т.д.

8. Заключение

В данной статье было показано, что прагматика эмоций имеет свою этнокультурную специфику и функционально-прагматические особенности эмоциональной коммуникации в межкультурном контексте часто становятся причиной непонимания и коммуникативных неудач.

Асимметрия семантики и прагматики эмоциональных/эмотивных знаков наблюдается как в вербальной, так и невербальной коммуникации. При этом позитивные коммуникативные действия (например, улыбка) могут выразить негативные эмоции (огорчение, разочарование, смущение и др.), негативные коммуникативные действия (сквернословие) могут совершаться в позитивных целях. Обсценная лексика в этом случае выполняет не инвективную функцию, а выступает маркером внутригрупповой солидарности и употребляется в позитивной коммуникации для выражения положительных эмоций и оценок. В результате формально невежливые действия совершаются в вежливых целях.

Для объяснения многих, на первый взгляд, противоречивых фактов в эмоциональном поведении представителей различных культур необходимо различать *эмоциональную коммуникацию* и *эмотивную коммуникацию*. Поскольку эмотивная

коммуникация наблюдается в сфере фатической коммуникации, целесообразно выделять *фатические эмотивы* — единицы фатической коммуникации, ориентированные на собеседника и имеющие ярко выраженную стратегическую направленность.

Сопоставительный анализ поведения представителей различных культур показывает, что прагматический аспект эмоциональной/эмотивной коммуникации тесно связан с ее нормативным аспектом. Поскольку норма — это то, что считается общепринятым в данном языковом коллективе и на данном отрезке времени, вариативность норм выражения эмоций касается как культурного, так и временного плана, т.е. она различна в разных культурах и в разные временные периоды.

Различия в эмоциональной/эмотивной коммуникации не являются случайными. Они носят системный характер и связаны с типом культуры, прежде всего, с такими ее параметрами, как дистанция и терпимость к неопределенности (*uncertainty avoidance* в терминах Г. Хофштеде), также они соотносятся с коммуникативными ценностями и стратегиями вежливости.

Приведенные в статье факты свидетельствуют о необходимости формирования *эмотивно-прагматической компетенции*, которая включает знания, умения и навыки, дающие возможность адекватно интерпретировать эмотивное действие (вербальное и невербальное) представителей иных лингвокультур, понимать его прагматическое значение и функциональную направленность. Без данной компетенции успешная межкультурная коммуникация невозможна.

Высказанные в данной статье идеи могут послужить перспективой дальнейших сопоставительных исследований с привлечением других языков и культур, что даст возможность сделать более глубокие и обоснованные выводы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алтатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. (Studia philological).
- [2] Беликов В.И. Национальная идея и культура речи // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 47—66. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1035>.
- [3] Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 503—546.
- [4] Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянских культур, 2001.
- [5] Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2003.
- [6] Гладкова А. Русская культурная семантика. Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянских культур, 2010.
- [7] Джисоева А.А., Соседова В.С. Конструэнты категории вежливости в английском языке: stiff upper lip // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2014. С. 4. С. 84—99.
- [8] Джонсон С. English as a Second F*cking Language. М., 2002.
- [9] Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. 2-е, переработ. и дополненное. М.: Ладомир, 2001.
- [10] Жельвис В.И. Инвектива: объем и дефиниция // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 29—31 мая 2003 г. / Редактор Е.Ф. Тарасов. М., 2003. С. 90.
- [11] Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012.

- [12] *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- [13] *Крысин Л.П.* Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 4. С. 3—8.
- [14] *Козырева М.М.* Общественная лексика в речи образованных носителей английского и русского языков: функционально-прагматический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- [15] *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003.
- [16] *Ларина Т.В.* A smile opens many doors: эмоции в коммуникации и переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2006. № 4 (12). С. 50—55.
- [17] *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. (Язык. Семиотика. Культура)
- [18] *Ларина Т.В.* Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.
- [19] *Ларина Т.В., Озюменко В.И., Ишанкулова Д.Г.* О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1 (13). С. 52—63.
- [20] *Ларина Т.В., Озюменко В.И., Горностаева А.А.* Сквернословие в речи носителей английского языка: функционально-прагматический аспект // Вопросы психолингвистики. 2012. 2 (16). С. 30—39.
- [21] *Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русское коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2007.
- [22] *Проников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы: этнопсихолингвистические очерки. М.: Наука, 1985.
- [23] *Смит С., Ларина Т.В.* Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской) // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2003. № 1.
- [24] *Солдатова О.С.* Фатические эмотивы и стиль коммуникации: сопоставление английской и русской лингвокультуры: Дисс. ... филол. наук. М., 2009.
- [25] *Тань Аошун.* Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [26] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
- [27] *Токарева М.А.* Феномен улыбки в русской, английской и американской культуре: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- [28] *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
- [29] *Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В.* Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998.
- [30] *Шагаль В.Э.* Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М., Институт востоковедения РАН, 2001.
- [31] *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- [32] *Alba-Juez Laura.* Irony as inferred contradiction // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2014. № 4. С. 139—152.
- [33] *Brown P. and Stephen D. Levinson.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- [34] *Fox K.* Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder & Stoughton, 2005.
- [35] *Kasper G.* Linguistic Politeness: Current Research Issues // Journal of Pragmatics. 1990. (14) 193—218. North Holland: Elsevier.
- [36] *Hofstede, Geert H.* Cultures and Organizations: Software of the mind. London: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991.

- [37] *Kaul de Marlangeon, Silvia & Laura Alba-Juez*. A typology of verbal impoliteness behavior for the English and Spanish cultures // *Revista Española de Lingüística Aplicada (RESLA)*. 2012. 25: 69—92.
- [38] *Leech Geoffrey*. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.
- [39] *Leech Geoffry and Jan Svartvik*. A Communicative Grammar of English. Second edition. London and New York: Longman, 1994.
- [40] *Leech, Geoffrey and Tatiana Larina*. Politeness: West and East // *Вестник РУДН. Серия Лингвистика*. 2014. № 4. С. 9—34.
- [41] *Riabtseva N.K.* Contrastive Phraseology in a Cross-Cultural and Cognitive Perspective. In Thelen M. & B. Lewandowska — Tomaszczyk (eds.) // *Translation and Meaning. Part 5. Proceedings of the Maastricht. Lodz, 2001*. Pp. 365—378.
- [42] *Wierzbicka Anna*. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- [43] *Zhengdao Ye*. Returning to my mother tongue: Veronica's journey continues. In Besemers M., Wierzbicka A. (eds.) *Translating lives: Living with Two Languages and Cultures*. Australia: UQP, 2007. Pp. 59—61.

PRAGMATICS OF EMOTIONS IN INTERCULTURAL CONTEXT

T.V. Larina

Department of Foreign Languages
Faculty of Philology

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article analyses some ethno-cultural features of emotional/emotive communication which cause failures in intercultural interaction due to misinterpretation of their pragmatic meaning. It demonstrates that pragmatic differences concern the degree of emotional openness and self-control of the speakers, in both verbal and nonverbal communication as well as the sphere of social norms and rules. They are of a systematic character and are predetermined by culture. This thesis is demonstrated with examples from various cultures and a particular emphasis is put on English and Russian language and culture. Focusing on ethnocultural level of communication, I ignore individual peculiarities of communicators and admit to a high level of generalization that is justifiable in intercultural research. The data was taken from theoretical sources, dictionaries, questionnaires and ethnographic observation. I used the methods of pragmatic, contrastive and discourse analyses. The results show that for successful intercultural communication one should possess emotive-cultural competence which is an integral component of intercultural communicative competence.

Key words: emotional communication, emotive communication, pragmatics of emotions, emotive-pragmatic competence.

REFERENCES

- [1] Alpatov V.M. *Yaponiya: yazyk y kul'tura* [Japan: language and culture]. Moscow, Yazyki slavianskikh kultur Publ., 2008 (Studia philological).
- [2] Belikov V.N. Nacionalnaya ideya y kultura rechi [Cultural idea and speech culture]. *Otechestvenniye zapiski*, 2005, 2, Pp. 47—66.

- [3] Gladkova A. *Russkaya kul'turnaya semantika*. "Emociyi, tsennosti, ustanovki [Russian cultural semantics: values and believes]. Moscow, Yazyki slavianskih kul'tur Publ., 2010.
- [4] Alba-Juez, Laura. Irony as inferred contradiction. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics*. 2014, 4. Pp. 139—152.
- [5] Brown Penelope and Stephen D. Levinson. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- [6] Fox, Kate. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. Hodder & Stoughton, 2005.
- [7] Hofstede, Geert H. *Cultures and Organizations: Software of the mind*. London: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991.
- [8] Jiroyeva A.A., Sosedova V.S. Konstruenty kategoriyi vezhlivosty v angliyskom yazyke: stiff upper lip. [Constituencies of Politeness: Stiff Upper Lip]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics*. 2014, 4. Pp. 84—99.
- [9] Johnson S. *English as a Second F*cking Language*. Moscow, Etc Publ., 2002.
- [10] Kasper, Gabriele. 1990. Linguistic Politeness: Current Research Issues. In *Journal of Pragmatics* (14) 193—218. North Holland: Elsevier.
- [11] Kaul de Marlangeon, Silvia & Laura Alba-Juez. 2012. A typology of verbal impoliteness behavior for the English and Spanish cultures. *Revista Española de Lingüística Aplicada (RESLA)*. 25: 69—92.
- [12] Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Scope of language: identity, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002.
- [13] Kozyreva M. *Obscennaya leksika v rechi obrazovannih nositeley angliyskogo y russkogo yazykov* [Functional and Pragmatic Aspects of Swear Words in the Speech of Educated Native English and Russian Speakers] PhD thesis, Moscow, 2013.
- [14] Krysin L.P. Variativnost' normy kak estestvennoye svoystvo yazyka [Norms variation as a natural characteristic of a literary language]. *Izvestiya RAN: Literature and Language*. 2011. V. 70, 4. Pp. 3—8.
- [15] Larina T.V. *Kategoriya vezhlivosty v angliyskoy y russkoy kommunikativnih kul'turah* [Politeness in English and Russian Communicative Cultures]. Moscow, RUDN Publ., 2003.
- [16] Larina T.V. A smile opens many doors: emotions in communication and translation *Bridges. Journal of translators*. 4 (12), 2006. Pp. 50—55.
- [17] Larina T.V. *Kategoriya vezhlivosti y stil' kommunikaciyi: sopostavleniye angliyskih y russkih lingvokul'turnih traditsiy* [Politeness and communicative styles: comparative analysis of English and Russian language and culture traditions] (Preface by Anna Wierzbicka). Moscow: Jazyki slavianskih kul'tur Publ., 2009.
- [18] Larina T.V. *Anglichane y Ruskiye: Yazyk, Kul'tura, Kommunikaciya* [The English and the Russians: Language, Culture and Communication]. Moscow: Jazyki slavianskih kul'tur PUBL., 2013.
- [19] Larina T.V., Ozyumenko V.I., Ishankulova D. Positivnoye myshleniye predstaviteley anglo-saksonskey kultury y ego otrazheniye v yazyke y kommunikaciyi [Positive thinking of Anglo culture and its manifestation in language and communication]. *Journal of Psycholinguistics*, 2011, 1 (13) 2011. Pp. 52—63.
- [20] Larina T.V., Ozyumenko V.I., Gornostayeva A.A. Skvernosloviye v rechi nositeley angliyskogo yazyka: funktsional'no-pragmaticheskiy aspekt [Swearing in Anglo cultures: functional and pragmatic aspects]. *Journal of Psycholinguistics*, 2012, 2 (16). Pp. 30—39.
- [21] Leech, Geoffrey. *Principles of Pragmatics*. London: Longman. 1983.
- [22] Leech, Geoffry and Jan Svartvik. *A Communicative Grammar of English*. Second edition. London and New York: Longman, 1994.
- [23] Leech, Geoffrey and Tatiana Larina. Politeness: West and East. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Linguistics*. 2014, 4. Pp. C. 9—34.

- [24] Prokhorov Y.E., Sternin I.A. *Russkoye kommunikativnoye povedeniye* [Russian communicative behavior]. Moscow, Flinta Publ., 2007.
- [25] Pronikov V.A., Ladanov I.D. *Yaponcy: Yaponcy: ethnopsychologicheskiye ocherki* [Japanese: ethnopsychological sketches]. Moscow, Nauka Publ., 1985.
- [26] Riabtseva N.K. Contrastive Phraseology in a Cross-Cultural and Cognitive Perspective. In Thelen M. & B. Lewandowska-Tomaszczyk (eds.). *Translation and Meaning*. Part 5. Proceedings of the Maastricht. Lodz, 2001. — Pp. 365—378.
- [27] Shagal V.E. *Arabskiy mir: puty poznaniya. Mezhkul'turnaya kommunikaciya y arabskiy yazyk* [Intercultural communication and the Arabic language]. Moscow, Institute of Asian studies Publ., 2001.
- [28] Shakhovskiy V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emociy* [Linguistic theory of emotions]. M.: Gnozis Publ., 2008.
- [29] Shakhovskiy V.I., Sorokin Y.S., Tomasheva I.V. *Text y ego kognitivno-emotivniye matamorphozy (mezhkulturnoye ponimaniye y lingvoekologiya)*. [Intercultural understanding and language ecology]. Volgograd, Peremena Publ., 1998.
- [30] Shmeliov A.D. *Russkaya yazykovaya model' mira* [Russian worldview]. Moscow, Yazyki slavianskih cul'tur Publ., 2002.
- [31] Smyth S., Larina T. *Obrascheniye v angliyskoy kommunikativnoy kul'ture (v sopsatvleniyy s russkoy)* [Address forms in English and Russian]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Russian and Foreign languages*. Moscow, 2003, 1. Pp.79—91.
- [32] Soldatova O.S. *Phaticheskiye emotivy y stil' kommunikaciyi* [Phatic Emotives and Communication Style: Contrastive Analysis of English and Russian Language and Culture]. PhD thesis. Moscow, 2009.
- [33] Tan Aoshuan. *Kitayskaya kartina mira. Yazyk, kul'tura, mentalnost'* [Chinese worldview: language, culture and cognition]. Moscow, Yazyki slavianskih cul'tur Publ., 2004.
- [34] Ter-Minasova S.G. *Yazyk y mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. Moscow, Slovo Publ., 2000.
- [35] Tokareva M.A. *Phenomen ulybki v russkoy, angliyskoy y amerikanskou kulturah*. [Smile in Russian, English and American cultures]. PhD thesis. Moscow, 2007.
- [36] Visson L. *Russkiye problemy angliyskoy rechi. Slova y frazy v kontekste dvuh kultur* [Where Russians go wrong in Spoken English. Words and phrases in the context of two cultures]. Moscow, RValent Publ., 2003. 191p.
- [37] Wierzbicka A. *Semanticheskiye universliyi y opisaniye yazykov* [Semantic universals and language description] (Russian ed. T.V. Bulygina). Moscow, Yazyki slavianskih cul'tur Publ., 1999. P. 503—546.
- [38] Wierzbicka A. *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- [39] Wierzbicka A. *Sopostavleniye kultur cherez posredstvo leksiki y grammatiki* [Comparing cultures through lexis and grammar]. Moscow, Yazyki slavianskih cul'tur Publ., 2001.
- [40] Zalizniak, Anna A., Levontina I.B., Shmeliov A.D. *Konstanty y peremenniye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Konstants and variables of Russian worldview]. Moscow, Yazyki slavianskih cul'tur Publ., 2012.
- [41] Zhelvis V.I. *Pole brani. Skvernosloviye kak social'naya problema v yazukah y kul'turah* [Swearing as a social problem in languages and cultures]. 2-nd ed. Moscow, Ladomir Publ., 2001.
- [42] Zhelvis V.I. *Invektivy: obyom y definiciya* [Invectives: scope and definition]. In *Language cognition*. Abstracts of XIV International Psycholinguistic symposium. Moscow, May, 29—31, 2003. Moscow, 2003. P. 90.
- [43] Zhengdao Ye *Returning to my mother tongue: Veronica's journey continues*. In Besemers M., Wierzbicka A. (eds.) *Translating lives: Living with Two Languages and Cultures*. Australia: UQP, 2007. Pp. 59—61.